

НЕУГАСИМЫЙ ОГОНЬ ПАМЯТИ

К ГАСТРОЛЯМ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Конец мая. Вечер. Театр оперы и балета переполнен. Наш Днепропетровский украинский театр имени Шевченко открывал гастроль в Саратове. С хлебом-солью, с цветами вышли на сцену студенты музыкального и театрального училищ. Радужие хозяев, их улыбки, аплодисменты глубоко тронули гостей. Я смотрел на лица моих коллег-шевченковцев: все было взволнованно. Но то, как вглядывались в происходившее на сцене ветераны театра — народный артист республики А. И. Белгородский и артист А. А. Аведиков, говорило о большем.

Все, что переживали они, я понял позже, когда, закончив спектакль, мы втроем вышли на улицу, еще хранящую жар знойного дня, и не спеша направилась к Волге. Высоко и спокойно сверкало над бульваром ночное небо мириадами далеких звезд. Внизу чувствовалось дыхание мог. той реки.

Первым заговорил Белгородский:

— Никогда, кажется, не привыкну к открытию гастролей — волнуется! Вот вышел на сцену, увидел юные, одухотворенные лица будущих служителей муз, смеясь нашей, и все три мои встречи с Саратовом вспомнились. Да что там встречи — жизнь прошла перед глазами!

Я, ученик его, знал жизнь своего учителя в искусстве. Как-то в разговоре с товари-

щами назвал Андрей Исаакович несколько цифр, не каждый тогда догадался, что означали они.

— Андрей Исаакович, помните: 70, 250, 16, 40!

Белгородский улыбнулся: ему-то хорошо было известно, что скрывается за этим цифровым шифром. Семьдесят поставленных им разножанровых спектаклей, многие из которых награждены дипломами и выдержали сотни представлений, двести пятьдесят сыгранных ролей, 16 лет вел курс мастерства актера в театральном училище, часть души оставил там, ученики — многие со званиями — в десятках театров страны работают.

А начинал сам учеником Амвросия Бучмы и Гната Юры — двух великих украинских актеров. В 1936 году, окончив Киевский театральный институт — актерский и режиссерский факультеты, пришел молодой Андрей Белгородский в семью шевченковцев. И вот уже почти четыре десятилетия украшает его имя афишу театра. Актеру аплодировали зрители Ленинграда и Баку, Тбилиси и Волгограда, Свердловска, Казани, Саратова...

— В пятьдесят пятом, в первый свой приезд, вышел

я перед саратовцами в роли Гордея Позаренкова в спектакле «Пока солнце взойдет, роса очи выест». А теперь вот в третий приезд, и роли другие, и театр, по существу, новый — нас «стариков» человек 10, не больше, в коллективе осталось. Летят годы.

— Ты прав, Андрей. — отозвался Аведиков. — Саратов, как рубеж. Вот и я разменял этим летом шестой десяток лет своей работы на сцене. А первые гастроль в Саратове тоже помню — Фердинанда играл в «Коварстве и любви», все-таки на 20 лет моложе был. Волновался. Хотелось и коллектив не подвести и достойно честь семьи своей актерской.

— Вы, кажется, представляете третье ее поколение?

— Третье. И четвертое уже давно на подмошки вышло!

Есть у нас в Днепропетровске династии металлургов — Коробовых, Лихорадовых. Династия Аведиковых, подобно семье Садовских в Малом театре, — династия актерская. Может быть, единственная сейчас на украинской сцене. Ее творческий стаж — свыше ста лет.

— Дед мой, — вспоминает Александр Авдеевич, —

Аведиков Леонид Иванович карьеру актерскую начал в 1864 году. Об этом написано в «Истории украинского театра». Отец и мать, заслуженная артистка республики, выступали в Донбассе в труппах Суходольского и Сабинина: Все три брата мои — актеры. Костя погиб в 42-м на Кавказе, Петр и Виктор Авдиковы, заслуженные артисты УССР, работали в театрах Днепропетровска и Ужгорода. Теперь и дети их — тоже артисты. Сам я на сцене с 15 лет, начинал в Донбассе. Потом Киев, Харьков, где работал с замечательными мастерами Л. Сердюком и И. Марьяненко. Войну прошел. С 49-го стал шевченковцем. И семья моя старается продолжать традиции рода. Жена — диктор радио, дочь — в музыкальном училище...

Далеко внизу обдирались два отрошка, сверкающие разноцветными огнями: шли навстречу друг другу теплоходы, и на гудки эхом откликались волжские берега. Я подумал, что и у меня многое связано с этой землей. Я мог бы рассказывать своим старшим товарищам, как шестнадцатилетним юношей был вместе с родными эвакуирован в Саратов осенней осенью 41-го года: как осторожным, по-во-

енному подтянутым встретил нас город, где много потом у меня произошло впервые — впервые стал к токарному станку в ремонтных мастерских, впервые вышел на любительскую сцену в заводском клубе на 4-й дачной, впервые увидел здесь спектакли прославленного Московского Художественного театра. Тут морозным заснеженным утром услышал о разгроме фашистов под Москвой.

Память... В этот вечер не трое нас сидело на скамье на волжском берегу — четвертой собеседницей нашей была память.

Я украдкой смотрел на моих собеседников, и думалось, сколько в них еще силы, бодрости, молодости, столь необходимых в нашей нелегкой актерской профессии. Один может темпераментно отпалять в роли Попандуло в спектакле «Вторая свадьба в Малиновке», другой, далеко за полночь приехав с выездного спектакля, уже утром, подтянутый, собранный, — снова на репетиции. Оба они, коммунисты, наставники молодежи, самозабвенно служат великому, трудному и прекрасному делу, имя которому — Искусство.

А. МАНДЕЛЬ,
артист Днепропетровского украинского музыкально-драматического театра имени Т. Г. Шевченко